

мента глава 19) после приведенной довольно путаной фразы «Наказа» о недостатках законов, заставляющих почитать действия «нужные за ненужные», следовало пожелание: «Сие тоже требует яснейшего истолкования» (Там же).

Как видим, главная претензия Бибикова к «Наказу» — неясность развиваемых в нем положений. Требования его касаются не только содержания отдельных статей «Наказа», но и самого характера выражения мыслей. Так, в замечаниях на ту же главу X, о которых шла речь выше, в конце их Бибиков счел необходимым заметить: «В сей главе находятся некоторые слова и целые речи, не по свойству русского языка положенные...» (Там же). И далее приводились конкретные примеры стиливых несообразностей. Вопросы у Бибикова вызвали и не всегда уместные, по его мнению, заимствованные Екатериной II у Монтескье, ссылки на законы и обычаи, принятые у других народов, например у древних греков или римлян, или во Франции.

На фоне рассмотренных мнений выделяются два отзыва, написанные несколько позднее, весной 1766 г., и принадлежавшие одному из секретарей канцелярии императрицы — В. Баскакову и А. П. Сумарокову. Судя по сопроводительному письму первого из корреспондентов, посредником между ними и императрицей был граф Г. Г. Орлов. Сочинение Екатерины II уже, по-видимому, было почти завершённым, но еще не было напечатано, о чем можно судить по замечаниям императрицы, которыми она сопровождала мнения каждого из своих оппонентов. Собственные пометы Екатерина II делала на полях и между строк отзывов, и этот заочный диалог, возникший еще до появления «Наказа» в печати, придает отзывам Баскакова и Сумарокова особый интерес.

Мнение Баскакова о «Наказе» обнаруживает человека, привыкшего к беспрекословному повиновению. Польщенный оказанным ему доверием и желая быть достойным такого доверия, Баскаков сопровождает свои примечания многочисленными оговорками и извинениями, хотя при этом высказывает немало здравых мыслей. В целом его пожелания носят характер уточнений и развития отдельных положений «Наказа», не отменяя и не ставя под сомнение основополагающие принципы его. Замечания Баскакова императрица сопровождала собственноручными пометами и репликами на полях, и по тону их можно судить, что она в целом благосклонно восприняла весьма осторожную критику своего рецензента. Она даже порой словно подбадривает его быть смелее, разъясняет отдельные свои положения, соглашается с ним. «Сии примечания хороши и во многих местах еще поправить надлежит» (79), — замечает она по поводу рекомендаций Баскакова, высказанных им относительно определения в «Наказе» понятия казни. К заключительному абзацу мнения, где Баскаков просит простить ему «неумышленные погрешности и заблуждения слабого разума», если таковые обнару-